



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.18>

UDC 1:316-05

LBC 87.6

THE IMAGE OF PETER I IN A MYTHOLOGICAL CONTEXT¹

Denis S. Artamonov

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Galina V. Yasakova

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. Within this study, the authors make an attempt to consider the image of Peter I, one of the most difficult to analyze, through the prism of interpretation and myth formation. The mythological image of Peter the Great has been formed over three centuries, reflecting both the vicissitudes of all historical epochs, including modernity, and various layers of culture and art. For a long time taking into account, that the beginning of the mythologization of the image of Peter I dates back to the era of his reign, society perceived his image in accordance with the requirements of its era, and sought to reflect its own interpretation of his personality and activities. The ways of perceiving the image of Peter I were influenced by socio-philosophical, socio-cultural and political attitudes of society, as well as ideas about the historical personality. The paper suggests that the myth-image moving away from its original true image (the historical personality of Peter I), generates new reflections that may contradict both its prototype and subsequent reflections. The complexity of the mythological image of Peter I is stipulated by the combination of features of historical mythology and reality in it, which, in turn, reflected in oral or written representation, have a close connection with historical and social memory. The authors come to the conclusion that the process of mythologizing Peter the Great, while maintaining a certain objectivity, is also carried out in metaphysical holistic knowledge when justifying the exclusivity of the appearance of such a ruler in Russian history, whose mythological image is used in the formation of a sense of integrity and unity of perception of the myth, based on the feeling and experience of the individual.

Key words: mythological image, Peter I, historical image, myth, social memory.

Citation. Artamonov D.S., Yasakova G.V. The Image of Peter I in a Mythological Context. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 184-192. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.18>

УДК 1:316-05

ББК 87.6

ОБРАЗ ПЕТРА I В МИФОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

Денис Сергеевич Артамонов

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

Галина Владимировна Ясакова

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В настоящем исследовании предпринята попытка обратиться к образу Петра I, одному из самых сложных для анализа, сквозь призму интерпретации и формирования мифа. Мифологический образ Петра I формировался в течение трех веков, отразив в себе как перипетии всех исторических эпох, включая как современность, так и различные пласты культуры и искусства. В течение длительного времени, учитывая, что начало мифологизации образа Петра I относится еще к эпохе его правления, общество воспринимало его образ в соответствии с требованиями своей эпохи и стремилось отразить собственную интерпретацию его личности и деятельности. На способы восприятия образа Петра I влияли как социально-философские, социально-культурные и политические установки общества, так и представления об исторической лич-

ности. В работе высказывается предположение, что мифообраз, удаляясь от своего первоначального истинного образа (исторической личности Петра I), порождает новые отражения, которые могут противоречить как своему прообразу, так и последующим отражениям. Сложность мифологического образа Петра I обусловлена сочетанием в нем признаков исторической мифологии и реальности, которые, в свою очередь, отражаясь в устной или письменной репрезентации, имеют тесную связь с исторической и социальной памятью. Авторы приходят к выводу, что процесс мифологизации Петра I, сохраняя некую объективность, осуществляется и в метафизическом целостном знании при обосновании исключительности появления такого правителя в отечественной истории, мифологический образ которого используется при формировании ощущения целостности и единства восприятия мифа, основанных на чувстве и переживании личности.

Ключевые слова: мифологический образ, Петр I, исторический образ, миф, социальная память.

Цитирование. Артамонов Д. С., Ясакова Г. В. Образ Петра I в мифологическом контексте // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 184–192. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.18>

Каждое общество, занимаясь поиском форм и самовыражения, создает новые мифологемы и мифические фигуры или использует старые, идя путем проб и ошибок, а также заимствований. На каждом из этапов этого поиска оно обращается к историческим мифам как к органичным системам предшествовавшего своего развития, способным стать предпосылкой дальнейшего развития социума, потому что именно исторические мифы выделяются необыкновенной устойчивостью, а также укорененностью в социальной памяти. Причина этого кроется в том, что историческая мифология соответствует образу мышления общества и доминирующей в нем системе ценностей. В связи с этим мифообразам в исторических мифах присущ оценочный характер. Следует отметить, что в философии образом принято считать «результат отражения объекта в сознании человека» [Ильичев и др. (ред.) 1983, 446]. Объективность образа зависит от того, насколько он точно *отражает* объект. Но даже максимально приближенное к оригиналу отражение остается всего лишь копией, которая, однажды возникнув, приобретает относительно самостоятельный характер бытия.

Из многочисленных же определений мифа (см. подробнее: [Тихонова (ред.) 2008]) в данном контексте лучше всего подходит определение, данное В.М. Найдышем, согласно которому «миф – это прежде всего форма знания. Но форма особая, которая содержит в себе и чувственно-образные, и абстрактно-понятийные компоненты (именно поэтому при определенной модификации миф можно легко редуцировать и к религии, и к искусству, и к морали, и к науке)» [Найдыш 2017, 26]. При

этом не стоит забывать, что «миф – это всегда образ, взятый в единстве с его смыслом (смыслообраз). <...> Смыслы постоянно изменяются вместе с изменением потребностей, мотиваций, интересов, целей и др. личности. Смыслы приобретают сложные, разветвленные, опосредованные формы, позволяющие субъекту ставить и реализовывать все более отдаленные цели, направлять и контролировать свой «жизненный мир» и др. Поэтому единство образа и смысла и является основой творческого потенциала мифологии» [Найдыш 2019, 161]. Мифообраз – это образ, структурно заключенный в мифе, существующий по законам мифа и являющийся источником новых мифов.

В истории каждого народа присутствуют неординарные личности, оставившие свой след в социальной памяти, сам факт существования которых является источником мифов и легенд. Более того, по утверждению А.Ф. Лосева, «всякая живая личность есть так или иначе миф» [Лосев 2001, 99]. При этом, отражаясь в мифологизированном образе, некоторые из них приобретают системообразующий статус национальной самоидентификации. Очевидно, что в разветвленной и многоуровневой системе мифообразов героя преимущество за тем, чью роль переоценить просто невозможно. Речь идет, конечно, о Петре I, личности которого было присуще достаточно черт, а его жизнь изобиловала ситуациями, приводившими в изумление как современников, так и представителей последующих эпох. Исторический образ грозного самодержца прекрасно соответствовал рождению мифологического образа титана, создающего новый мир и разрушающего все, что мешало его

творению. Как известно, миф обладает транс- исторической природой и является неотъемлемым механизмом социогенеза.

Следуя поставленной задаче, авторы рассматривают мифологический образ Петра I как феномен исторической и социальной памяти. Исследование в этом направлении позволит выявить особенности мифологизации в структуре социальных меморативных процессов. Образ, который сегодня предстает перед нами, формировался в течение трех веков, отразив в себе как перипетии всех исторических эпох, включая современность, так и различные пласты культуры и искусства. Но и сегодня, проявляя черты динамичности и изменчивости, не приобретя завершенной формы, образ Петра I продолжает оставаться по-прежнему актуальным, так как современное общество, находясь в стадии определения стратегии своего развития, нуждается в идеологических ориентирах, поэтому мы можем наблюдать одновременно 2 процесса: демифологизацию одних мифов о Петре I и мифотворчество других.

Сходство Петра I с мифологическим героем легко обнаружить. В греческой мифологии герой обычно был призван выполнять волю богов среди людей: «Это идеальные изображения человеческой силы и богатырского духа, посредники между народом и его богами, благодетели греческого народа, основатели греческих городов и государств, учредители законного порядка» [Брокгауз, Ефрон 1893, 545]. Герои учат людей добывать огонь, создавать орудия труда и средства мореплавания, устанавливают справедливость. Сравнивая это с деятельностью Петра I, мы отмечаем, что последний владел ремеслом кораблестроения, искусством мореплавателя, учил также этому других; среди его нововведений следует назвать прежде всего систему государственного управления, новое летоисчисление и многое другое. Подобные нововведения в мифологическом пространстве под силу были только герою.

В настоящем исследовании предпринята попытка обратиться к образу Петра I, одному из самых сложных для анализа, сквозь призму интерпретации и формирования мифа.

Несмотря на большое количество мифов, связанных с образом Петра I, в целом о них

можно сказать, что их отличает противоречивость мнений и явная субъективность оценок.

Осмысление мифологического образа Петра I связано с кругом проблем, попытки разрешить которые до сих пор не увенчались успехом, если учесть, что важнейшей частью мифологии является культ исторической личности, который тесно связан с культом героя. И данный случай не исключение. Большинство людей разных эпох проявляют зависимость не столько от истин, сколько от шаблонов и ценностей, провозглашенных доминантными в современном им временном социокультурном пространстве. В связи с этим одним свойственно преувеличение позитивного оценивания деятельности Петра I и связанной с ним государственной идеи, что возводило созданный мифологический образ к полубогу. Другие, склонные к негативной оценке, связанной с деспотизмом и жестокостью царя, воспринимали его образ как разрушительное начало, воплощение Антихриста. Рассмотреть все оценочные суждения о Петре I и его деятельности не представляется возможным. Однако следует отметить, что начало мифологизации образа Петра I относится еще к эпохе его правления. Сподвижникам Петра I его правление виделось как обновление страны, которым она была обязана исключительно талантам и реформам царя. К слову сказать, сам Петр I, пробуя себя в роли историка своего времени, принял участие в создании своего исторического и мифологического образов. Себя он видел «мудрым и умелым учителем, а народ – упрямыми, но вполне способными детьми. Вместе с тем царь не замалчивал неудач и оценивал свои действия с известной долей реализма» [Мезин 2020, 89].

О неоднозначности восприятия образа Петра I и причинах подобного восприятия написано немало работ, в которых представители различных областей знания (историки, философы, культурологи) детально анализируют различные аспекты этой проблемы. Определенную лепту в рассмотрение этого вопроса внесли и иностранные исследователи, среди которых следует отметить работы Н. Рязановского [Riasanovsky 1985], А. Лортолари [Lortholary 1951] и, конечно, Р. Виттрама [Wittram 1964]. В течение длительного времени общество, воспринимая его образ в со-

ответствии с социальными требованиями и культурными ценностями своей эпохи, стремилось отразить собственную интерпретацию его личности и деятельности. На способы восприятия образа Петра I влияли как социально-философские, социально-культурные и политические установки общества, так и представления об исторической личности. Можно сказать, что мифологический образ есть определенная совокупность представлений о личности. Этот образ можно описать, реконструировать или деформировать. При этом любой индивид как представитель той или иной социальной группы обладает субъективным набором представлений, посредством которых он познает и оценивает данный образ.

Сложность мифологического образа Петра I обусловлена сочетанием в нем признаков исторической мифологии и реальности, которые, в свою очередь, отражаясь в устной или письменной репрезентации, имеют тесную связь с исторической и социальной памятью. Помимо знаний об историческом или социальном прошлом память обладает также оценочным суждением. Она пронизана мифологическими образами различных мифов, в осмыслении которых преломляется историческая реальность. Аксиологическая сторона этого процесса целиком зависит от способности восприятия мифологического образа в сознании общества разных исторических эпох, что приводит не столько к простому воспроизведению старых мифологических форм и образов, сколько к рождению новых. Как уже было отмечено, мифологический образ, являясь структурным элементом социальной и исторической памяти, отражает особенности традиции той эпохи, в которой он зарождался и формировался.

Философский дискурс позволяет избежать жесткости и стереотипности этих подходов в классической культурной традиции. Следует отметить, что в условиях эклектики, многозначности и коммуникационного хаоса, присущих современному информационному обществу, существуют многочисленные варианты трактовки истории, отражение которых можно обнаружить в социальной памяти, последняя, в свою очередь, органически включает в себя проекции исторических образов. Как отмечает В.Б. Александров, «в той час-

ти, где история представляет собой повествование о событиях прошлого, в котором субъективное видение историка не может быть полностью устранимым, она имеет тенденцию наполнения его мифологическим содержанием. Именно мифология создает живую человеческую реальность, по отношению к которой самоопределяется человек» [Александров 2019, 86]. В этом смысле мифообраз призван определять основы восприятия разнообразных проявлений повседневности, выступая в качестве связующего звена любого национального сообщества. При этом не стоит забывать о том, что каждый конкретный мифологический образ, в том числе и образ Петра I, обобщает символическое представление некоего круга представителей общества о реальных событиях и их участниках. Сплоченность и целостность любого общества, обремененного различием ценностных установок, целиком зависит от способности и желания договариваться всех субъектов социума, эффективности их взаимодействия. Когда же обществу угрожает потеря ориентиров идентичности, неизбежно и вполне закономерно возрастает интерес к проблеме исторической памяти, само определение которой до сих пор остается проблемным. Да и проявление интереса к ней не означает возвращение ориентиров прошлого.

С точки зрения А.В. Ставицкого, «мифу по силам разворачиваться на нескольких уровнях смысла – от выраженного в некоем вечном сюжете исходного архетипа до «цветущего» конкретикой калейдоскопа образно осмысленных эпизодов, отсылающих к другим архетипическим образам и сюжетам... точнее будет сказать, миф может мифологизировать и актуализировать конкретный эпизод из прошлого, придав ему статус вечности и сконцентрировав в нем тот опыт прошлого, который требуется нам в настоящем» [Ставицкий 2019, 81].

Некоторые исследователи отождествляют историческую и социальную память. Но подобный подход, по мнению П.Ю. Черникова, «обедняет эпистемологический потенциал исторической и социальной памяти, нивелирует их глубинные смыслы, оставляя в стороне их сущностные, концептуальные основания и парадигмальные характеристики» [Чер-

ников 2016, 190]. Свою точку зрения он подкрепляет словами Хальбвакса, который утверждал, что «память естественна, хранит то, что живо в сознании группы, история – искусственно возрождает то, чего уже нет, создает иллюзию, что каждый период все новое, в ней нет непрерывности пьесы. <...> История могла бы быть универсальной памятью, но такой памяти нет [Хальбвакс 2007, 20]. И далее П.Ю. Черников приходит к логическому выводу о том, «что социальная и историческая память взаимодополняют друг друга, а функционирование социальной памяти разворачивается внутри исторического процесса» [Черников 2016, 190]. При этом социальная память представляет собой не что иное как коммуникативный процесс, в ходе которого определяются ценностные ориентиры. В данном контексте уместно напомнить, что осмысление мифологических образов, тесно связанных как с исторической, так и с социальной памятью, перестает быть простой интерпретацией мифа, демонстрируя признаки зоны ответственности той или иной социальной группы, нацеленной на поиск ценностных оснований настоящего. Как утверждает Юнг, «когда у отдельных индивидуалов начинают активизироваться архетипы, мы оказываемся окруженными историей, хотя и пребываем в настоящем. Архетипический образ, диктуемый моментом истории, входит в жизнь, и каждый оказывается захваченным им» [Юнг 1994, 117].

При таком подходе к истории исторический образ, осознанный в рамках национально-культурной традиции, воспринимается и анализируется не изолированно, а в структуре некоей системы, что неизбежно приводит к разным его интерпретациям. При этом его проекция на актуальные аспекты современности в соответствии с потребностями определенной социальной группы может вызвать как положительное, так и отрицательное восприятие. В итоге мы наблюдаем, как исторический образ, обрастая многочисленными интерпретациями, иносказаниями, дополнениями и уточнениями, подменяется мифологическим образом. Биография любой исторической личности, мифы о которой интереснее реальной жизни, может послужить тому наглядным примером. Следует отметить, что трактовка мифологического образа такой личнос-

ти будет напрямую зависеть от потребности в этом образе.

В историческом образе Петра I также имеется внерациональное. Однако нельзя отрицать, что элементы этой внерациональности существенно отличаются от «классических» элементов мифологического образа. При этом его исторический образ не сводится только к рациональной модели, максимально приближенной к объективному отражению реально существовавшей исторической личности. Этим он похож на мифологический образ. Более того, иногда историки при создании исторического образа Петра I не только используют мифы, но сами создают новую мифологию. Однако эта неомифология, значительно отличаясь от старой мифологической системы, противоречит ей. Следует отметить, что при рассмотрении некоторых сторон взаимосвязи между мифологическим и историческим образом Петра I необходимо применение исторического метода. Очевидно, что восприятие мифологического образа Петра I, несмотря на имеющееся в нем архетипическое начало, меняется с течением времени, и не учитывать эту историческую изменчивость нельзя. Чем являются эти изменения – трансформацией или эволюцией – сложно сказать, можно говорить лишь о наличии изменений, которые в той или иной степени зависят от восприятия, а точнее восприимчивости, представителей разных сообществ той или иной исторической эпохи.

Естественно, что мифообраз Петра I, сохранив идеи, признаки и стиль первоначальной эпохи, в последующие впитывает в себя приметы нового времени, обогащаясь современными артефактами, неологизмами, формируя при этом свое мифологическое пространство. Следует отметить, что мифы, в структуру которых органически вписан образ Петра I, всегда будут историческими, так как используемые модели этих мифов выстраиваются с учетом особенностей и потребностей (политических, социальных и др.) общества разных исторических эпох, тем самым задавая временные рамки определенной эпохи. При этом форма воплощения зависит от целей создания мифа. Занимаясь исследованием образа Петра I, по сути дела, мы пытаемся не столько приблизиться к истинному

облику этой исторической личности, сколько осознать себя сквозь призму его мифологизированного образа, отражаясь в зеркальных отражениях прошлого. В свою очередь, эти отражения воспринимаются в зависимости от наших желаний, готовности и степени восприимчивости. В связи с этим именно оценочные суждения современников Петра I, близко знавших его, представляют для нас особый интерес, так как они дают возможность увидеть сопричастность Петра I той эпохе, способствующей наиболее полной его реализации. Однако, как уже отмечалось выше, мифологизация Петра I и формирование совершенно полярных образов Петра I – как его культа, так и его негативного образа царя-антихриста – начались еще при его жизни. На эту проблему указывал еще А.С. Пушкин в разговоре с бароном Д.Е. Келлером: «Об этом государе, можно написать более, чем об истории России вообще. Одно из затруднений составить историю его состоит в том, что многие писатели, не доброжелательствуя ему, представляли разные события в искаженном виде, другие с пристрастием осыпали похвалами его действия» [Фейнберг 1979, 27].

И в дальнейшем формирование образа Петра I развивалось по трем основным направлениям (векторам):

1. Положительное. Создание образа в рамках апологетической традиции, включая сакрализацию образа.

2. Отрицательное. Создание негативного образа, в основе которого лежало недовольство, существовавшее в среде определенной части православного духовенства, а также старообрядческого; реконструкция исторического образа.

3. Критическое. Создание исторически как позитивного, так и негативного образа Петра I.

Но несмотря на огромное количество исследований, посвященных Петру, его мифологическим и историческим образам, его значению и роли в истории нашей страны, он, как и прежде, выражаясь словами А.С. Пушкина, «...слишком огромен для нас близоруких. И мы стоим к нему еще близко, – но постигаю его чувством; чем более его изучаю, тем больше изумление и подвострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно» [Даль 1998, 260].

Нельзя также не упомянуть о специфической форме образа – художественном образе, который является наиболее яркой формой выражения мифологизации образа Петра I. В живописи целый ряд художников (И. Никитин, А. Антропов, А.Н. Бенуа, Н. Ге, В.И. Суриков, В.А. Серов, С. Кириллов и др.) в разное время, пытаясь запечатлеть неординарный облик царя-реформатора, создали целую галерею мифологических образов Петра I. В разных уголках России и европейских стран ему воздвигнуты памятники. Художественный образ Петра I неоднократно использовался в литературе, театре и кинематографе. Таким авторам, как И. Никитин, К.Б. Растрелли и, конечно, Э.М. Фальконе, удалось непостижимо связать черты исторического и мифологического образов Петра I, при этом они могут служить примером мифологического восприятия образа Петра I создателями этих произведений.

Удивительно, но мифообраз Петра I и все мифы, производные от него, равнозначны при восприятии, несмотря на стремление мифотворцев провести между ними четкую грань. Можно предположить, что истинный Петр I удален в равной степени от противоположных полюсов его отражений-образов. Восприятие мифообраза Петра I зависит не только от первоначального набора признаков внешнего облика и сюжетов его биографии, но и от объема и качества различных компонентов образа, целью которых является оказание влияния на сознание личности. Реалистичность самых первых позитивных оценок, данных образу Петра I, вызывает гораздо меньше сомнений, чем последующие создаваемые модели его образа, которые, отдаляясь от «исходного», все более искажаются.

Применение герменевтической методологии позволяет достичь максимально объективной реконструкции модели исторического образа. Однако даже герменевтика, интуитивно собирающая целое из частей, не исключает доли субъективизации, обусловленной личной позицией автора творения, которая проявляется в оценке образа. Исторический образ, который базируется на объективном знании, построенном на фактическом материале, став отражением исторической личности, обретает сходство с ее мифологическим образом,

поскольку несет в себе субъективную точку зрения историка, реконструирующего образ конкретной исторической личности. Это касается также событий и фактов, связанных с этой личностью, даже таких незначительных, которые Ф. Бродель именуется исторической пылью [Бродель 1986, 594]. Несмотря на свою незначительность и откровенную псевдоисторичность, некоторые из них проявляют паразитическую живучесть, приобретая мифологическое значение и статус культурного кода. Примером тому может служить ряд псевдоцитат из указов Петра I. Приведем наиболее распространенные из них, ставшие крылатыми, выражения, которые можно найти в свободном доступе в сети Интернет. Одна касается подчиненных: *«Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый! Дабы не смущать начальство разумением своим...»*. Вторая – сенаторов: *«Указую господам сенаторам, чтобы речь держать не по писаному, а своими словами, дабы дурь была видна каждого»*. Следует отметить, что ни в одном указе Петра I этих псевдоцитат, естественно, нет. Наличие таких слов, как «начальник», «придурковатый» и др. в первой фразе говорит о том, что она не могла появиться в эпоху Петра I. Ее появление возможно не ранее 60–70-х гг. прошлого века. Чуть позднее появилась и забавная соответствующая картинка, визуально усиливающая смысл фразы. Подобные «цитаты» можно отнести к мемам, которые создают свою мифологическую реальность, самоопределяясь в отношении к которой, человек вступает в диалог между современным и прошлым. При этом не стоит забывать, что некоторые из подобных мемов определяются обыденным сознанием «как само собой разумеющиеся», статус подобного «шаблона восприятия» которых выводит их за рамки всякого сомнения. И никакая рациональная аргументация не в состоянии опровергнуть их содержание.

Немаловажным является тот факт, что само создание новых мифообразов, способных стать частью структуры имеющихся мифов о Петре I, не только способствует их развитию, но и является новым незаурядным явлением. Иначе говоря, происходит онтологизация мифической реальности. Миф о

Петре I способен осмысливаться как феномен, независимый в отношении исторической личности Петра I.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что процесс мифологизации Петра I, сохраняя некую объективность, осуществляется и в метафизическом целостном знании при обосновании исключительности появления такого правителя в отечественной истории, мифологический образ которого используется при формировании ощущения целостности и единства восприятия мифа, основанных на чувстве и переживании личности.

В ходе исследования выявлено, что каждая эпоха демонстрирует устойчивую востребованность мифологической проекции исторической личности Петра I. Целесообразность использования факторов и механизмов ее формирования зависит от особенностей и потребностей (политических, социальных и др.) общества разных исторических эпох, что определяет место мифообраза Петра I в исторической и социальной памяти.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42063 «Петр I в исторической памяти современной России: репрезентация образа в медиасреде».

The reported study was funded by RFBR, project № 20-09-42063 «Peter I in the historical memory of modern Russia: representation of the image in the digital media».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров 2019 – Александров В.Б. О роли мифологии в формировании исторического самосознания современного человека // Управленческое консультирование. 2019. № 10. С. 81–91.
- Бродель 1986 – Бродель Ф. Материальная цивилизация XV–XVIII вв.: в 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986.
- Брокгауз, Ефрон 1893 – Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. 8А (16). Германия – Го. СПб.: Семеновская Типолиитография, 1893.
- Даль 1998 – Даль В.И. Воспоминания о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников:

- в 2 т. Т. 2. СПб.: Академ. проект, 1998. С. 258–262.
- Ильичев и др. (ред.) – *Ильичев Л.Ф. и др. (ред.)*. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983.
- Лосев 2001 – *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.
- Мезин 2020 – *Мезин С.А.* Петр I и его эпоха глазами историков // *Историографический сборник*. Саратов: Саратовский источник, 2020. С. 86–132.
- Найдыш 2017 – *Найдыш О.В.* Мифотворчество в деятельности сознания // *Вопросы философии*. 2017. № 5. С. 26–35.
- Найдыш 2019 – *Найдыш О.В.* Смысловая реальность и мифотворчество // *Миф в истории, политике и культуре*. 2019. № 3. С. 158–161.
- Ставицкий 2019 – *Ставицкий А.В.* Миф и время: гносеологический аспект // *Миф в истории, политике и культуре*. 2019. № 3. С. 79–85.
- Тихонова (ред.) 2008 – *Тихонова С.В. (ред.)*. Миф этого мира. М.: Юность, 2008.
- Фейнберг 1979 – *Фейнберг И.Л.* Незавершенные работы Пушкина. М.: Художественная литература, 1979.
- Хальбвакс 2007 – *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.
- Черников 2016 – *Черников П.Ю.* Проблема изучения исторической и социальной памяти // *Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова*. 2016. № 5 (89). С. 189–194.
- Юнг 1994 – *Юнг К.* Аналитическая психология. Тавистокские лекции. М.: Изд-во МЦНК и Т «Кентавр», 1994.
- Lortholary 1951 – *Lortholary A.* Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle. Paris: Éditions contemporains, Boivic, 1951.
- Riasanovsky 1985 – *Riasanovsky N.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. N. Y., Oxford: Oxford University Press.
- Wittram 1964 – *Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Bd. 1–2. Gettingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Modern Man. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 10, pp. 81-91.
- Brodell F., 1986. *Material Civilization of the XV–XVIII Centuries: in 3 vols. Vol. 1. Structures of Everyday Life: Possible and Impossible*. Moscow, Progress Publ.
- Brockhaus F.A. Efron I.A., 1893. *Encyclopedic Dictionary: in 86 vols. Vol. 8A (16). Germaniya–Go*. Saint Petersburg, Semenovskaya Tipolitografiya Publ.
- Dal V.I., 1998. *Memoirs of Pushkin. Pushkin in the Memoirs of Contemporaries. In 2 vols. Vol. 2*. Saint Petersburg, Academicheskij proekt Publ, pp. 58-62.
- Ilyichev L.F. (ed.), 1983. *Philosophical Encyclopedia*. Moscow, Sovetskaya entsyklopediya Publ.
- Losev A.F., 1990. *Dialectics of Myth*. Moscow, Mysl'.
- Mezin S.A., 2020. Peter I and His Epoch Through the Eyes of Historians. *Istoriograficheskij sbornik*. Saratov, Saratovskij istochnik Publ., pp. 86-132.
- Naidysh O.V., 2017. Myth-Making in the Activity of Consciousness. *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 26-35.
- Naydysh O.V., 2019. Semantic Reality and Myth-Making. *Mif v istorii, politike i kul'ture*, no. 3, pp. 158-161.
- Stavitskiy A.V., 2019. Myth and Time: Gnoseological Aspect. *Mif v istorii, politike i kul'ture*, no. 3, pp. 79-85.
- Tikhonova S.V. (ed.), 2008. *The Myth of the World*. Moscow, Yunost' Publ.
- Feinberg I.L., 1979. *Unfinished Works of Pushkin*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ.
- Halbwachs M., 2007. *The Social Frameworks of Memory*. Moscow, Novoe Izdatelstvo Publ.
- Chernikov P.Yu., 2016. The Problem of Studying Historical and Social Memory. *Vestnik REU im. G.V. Plekhanova*, no. 5 (89), pp. 189-194.
- Jung K., 1994. *Analytical Psychology. The Tavistock Lectures*. Moscow, Izd-vo MCNK i T «Kentavr».
- Lortholary A., 1951. *Les "Philosophes" du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle*. Paris, Éditions contemporains, Boivic Publ.
- Riasanovsky N., 1985. *The Image of Peter the Great in Russian History and Thought*. New York, Oxford, Oxford University Press.
- Wittram R., 1964. *Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Bd. 1-2*. Gettingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ.

REFERENCES

Alexandrov V.B., 2019. About the Role of Mythology in the Formation of Historical Consciousness of

Information About the Authors

Denis S. Artamonov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Social Communications, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, artamonovds@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

Galina V. Yasakova, Master Student, Head of the Cabinet at the Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, gala@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4163-335X>

Информация об авторах

Денис Сергеевич Артамонов, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, artamonovds@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

Галина Владимировна Ясакова, магистрант, заведующий кабинетом кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, gala@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4163-335X>